

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья АЛЕКСАНДРОВА
Екатерина ОСТРОВСКАЯ
Анна и Сергей ЛИТВИНОВЫ и др.

Петербургские
ДЕТЕКТИВНЫЕ
ТАЙНЫ

**Наталья Николаевна Александрова
Екатерина Барсова
Екатерина Николаевна Островская
Альбина Нури
Валерия Вербинина
Людмила Мартова
Марина Крамер
Анна и Сергей Литвиновы
Петербургский детектив
Серия «Петербургские
детективные тайны»**

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41031663
Петербургский детектив: Эксмо; М.; 2019
ISBN 978-5-04-099796-1

Аннотация

Наши любимые писатели такие разные! Но их объединяет одно – любовь к самому красивому городу на земле, Северной столице России. Санкт-Петербург – самый мистический и загадочный город России. Там происходят невероятные события,

в центре которых оказываются герои этих потрясающих остросюжетных рассказов. Прочитав книгу, вы совершите виртуальное путешествие в Питер, куда наверняка мечтаете съездить хотя бы на выходные. А там и реальная поездка не за горами, ведь если сильно захотеть, то мечта обязательно сбудется!

Содержание

Наталья Александрова	6
Екатерина Барсова	41
Конец ознакомительного фрагмента.	74

**Наталья Александрова,
Валерия Вербинина, Анна
и Сергей Литвиновы,
Марина Крамер, Екатерина
Островская, Альбина
Нури, Екатерина Барсова,
Людмила Мартова
Петербургский детектив**

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Наталья Александрова

Бронзовое копыто

Капитану Мехреньгину снился сон.

Точнее, кошмар.

Начать с того, что ему снилось, будто он – не он, не капитан Мехреньгин, а его собственный напарник Жека. Одно это само по себе уже невыносимо. Уж если быть не самим собой, так хоть кем-то, с кем не стыдно поменяться ролями – например, актером Шварценеггером или футболистом Марадоной. Но быть собственным напарником, пусть даже этот напарник – Евгений Топтунов – почти двухметрового роста...

Но, как будто этого было недостаточно, этот приснившийся Мехреньгину Жека удирал по пустынным, словно вымершим улицам от огромной лошади с таким же огромным всадником. Рядом с этим всадником двухметровый Жека казался букашкой.

Куда бы ни сворачивал несчастный Жека, всадник на громадной лошади непременно сворачивал за ним, тяжелые копыта гремели по булыжной мостовой, лик его, озаренный бледной луной, был грозен. Огромная тень накрывала несчастного Жеку, и могучая рука всадника тянулась, пытаясь схватить несчастного беглеца за шкуру, как напрока-

жившего котенка.

Когда он уже утратил всякую надежду на спасение, когда смерть казалась ему неминуемой, над головой его разверзлись мрачные небеса и зазвучала величественная и торжественная музыка – «Гимн великому городу» композитора Глиэра.

Музыка эта разбудила несчастного Мехреньгина.

Еще не вполне проснувшись, но испытав облегчение от того, что бегство его от исполинского всадника было всего лишь сном, Мехреньгин забормотал:

– Сейчас... еще одну секунду... всего одну... вы не волнуйтесь, я успею собраться...

Дело в том, что, услышав сквозь сон «Гимн великому городу», Мехреньгин решил, что возвращается ночным поездом из Москвы. Когда этот поезд подходит к перрону Московского вокзала, родной город приветствует его музыкой Глиэра.

Наконец Мехреньгин осторожно сел, спустил ноги (ведь он, скорее всего, находился на верхней полке) и только тогда окончательно проснулся и сообразил, что находится вовсе не в поезде, а у себя дома, а музыка звучит из его собственного мобильного телефона.

Протянув руку за телефоном, он поднес его к уху и проговорил хриплым со сна голосом:

– Капитан Мехреньгин слушает! Кому это в такую рань неймется?

– Спишь, Мехреньгин? – прозвучал в трубке до боли знакомый голос напарника Жеки. – Сейчас ты проснешься. И быстренько прибежишь на работу.

– Ты что – убежал от того всадника? – удивленно осведомился Мехреньгин.

– От какого еще всадника?

– От какого? Известно, от какого... от Медного всадника... – ответил Мехреньгин, до которого наконец дошло, кто именно преследовал его – или Жеку – в сегодняшнем сне.

– Ты что, еще не проснулся? – обиженно проговорил Жека. – Так вот, просыпайся и приезжай! Тут такое... такое... такое... короче, приезжай, сам увидишь.

Мехреньгин тяжело вздохнул. Он понял, что отвертеться не удастся, бросил телефон и поплелся в ванную.

Через час он уже подходил к отделению полиции, где служил последний год – с тех пор как их с Жекой перевели в Адмиралтейский район. Отделение располагалось в самом центре города, на Гороховой улице, и Мехреньгин по пути к нему прошел мимо Медного всадника. Он покосился на огромного вздыбленного коня и его величественного седока, невольно вспомнив сегодняшний сон, страшную погоню по ночным улицам Петербурга и грозное лицо царя, озаренное бледной луной, плывущей в разрывах туч...

Сейчас лицо Петра Первого было величественно и спокойно, он невозмутимо оглядывал Неву и Исаакиевский со-

бор, а на людишек, снующих внизу, не обращал ни малейшего внимания.

Мехреньгин обошел памятник, и вдруг от его ограды к нему метнулся какой-то человек в потертой куртке с поднятым воротником и что-то зашептал.

– Вам чего, гражданин? – опасливо проговорил капитан.

Станный гражданин заговорил чуть громче, и Мехреньгин наконец разобрал его слова:

И во всю ночь безумец бедный
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник медный
С тяжелым топотом скакал.

– Вы это о чем? – удивленно спросил Мехреньгин, снова вспомнив кошмарный сон...

Но странного человека уже и след простыл.

Перед входом в отделение, несмотря на ранний час, толпились сотрудники.

– Что случилось-то? – спросил Мехреньгин, увидев среди них своего напарника, который возвышался над ними, как корабельная сосна над низкорослым кустарником.

– А ты взгляни! – Жека отступил в сторону, и Мехреньгин увидел на асфальте перед самым порогом человеческое тело. Тело было неподвижное. Светлые волосы на затылке потемнели от крови.

– Елки-палки! – проговорил капитан. Других слов у него не осталось.

– Это ты верно подметил! – отозвался Жека. – Именно что елки и палки, а также другие пиломатериалы! А если точнее – натуральная провокация.

– Кто такой? – перебил Жеку Мехреньгин. – Личность потерпевшего установили?

– Хрен чего тут установишь, – уныло сказал молодой незнакомый парень, шаривший по одежде трупа.

Мехреньгин машинально отметил, что одежда хоть и мятая и запачканная, но приличная, наверняка дорогая, а ботинки уж и вовсе дорогущей итальянской фирмы. У них в прошлом месяце ограбили обувной бутик, с тех пор Мехреньгин в мужской обуви очень хорошо разбирался.

– Ничего не найти – ни бумажника, ни документов, все карманы пусты, – вздохнул парень и поднялся. – Ну и геморрой будет личность устанавливать!

– Ограбление, – заявил Жека, – определенно ограбление. Дали чем-то тяжелым по голове и ограбили. Судя по одежде, мужик не бедный был, денежки водились.

– Точно, – вздохнул Мехреньгин, но тут посмотрел на руки трупа и удивился. Руки совсем не подходили человеку в такой одежде и обуви. Руки были самые что ни на есть рабочие – с обломанными ногтями и въевшейся кое-где грязью. Такие руки подошли бы какому-нибудь работяге – автослесарю или фрезеровщику с завода, но никак не богатому му-

жику в дорогой итальянской обуви.

– Странно... – пробормотал Мехреньгин.

Жека тут же насторожился. Он прекрасно знал своего напарника и знал эту интонацию.

Дело в том, что капитан Мехреньгин очень любил всевозможные странности и загадки. Причем, по наблюдению коллег, всегда задавал их себе сам. То есть там, где можно и нужно было смотреть проще, Мехреньгин вечно все усложнял. За что начальство частенько его поругивало. Но, однако, процент раскрываемости все же был у капитана неплохой, поэтому его и терпели.

Жека был парень простой и загадок не любил, однако с Мехреньгиным старался по этому поводу не ссориться – все же напарник есть напарник.

Сейчас он попытался Мехреньгина отвлечь.

– Ну, это какую же надо наглость иметь, чтобы прямо перед самым отделением труп оставить! – разглагольствовал он. – Особенно если учесть, какой сегодня день.

– А какой? – Мехреньгин заморгал, думая, что таким способом он освежит свою память.

– Что, забыл, да? – ухмыльнулся Жека. – Такие вещи забывать нельзя! Сегодня, между прочим, начальника нашего день рождения. И не просто день рождения, а можно сказать, юбилей. Кстати, ты деньги на подарок ему сдал?

– А вот сдал! – гордо сообщил Мехреньгин, вспомнив, что вчера занял на подарок у Леночки из бухгалтерии и отдал

деньги Сырникову, который обычно занимался такими вещами.

И тут же произнес то, что другие не решались:

– А он-то сам уже видел? Юбиляр наш?

– Пока не видел.

– А тогда чего мы ждем?

– Ждем, пока Ленский придет. Патологоанатом. Ты же знаешь, что будет, если труп убрать прежде, чем он его осмотрит.

Мехреньгин знал. И все в отделении знали. Если свежий труп хотя бы немного передвинуть раньше, чем его успеет осмотреть патологоанатом – тут такое начиналось... начиналось то, что в отделении называли арией Ленского. Услышав Ленского, всем сразу хотелось удалиться. Куда угодно.

К счастью, Ленский подоспел, оглядел труп, заявил, что причина смерти – удар в затылок тяжелым тупым предметом, и разрешил унести его с улицы.

– А как примерно выглядит орудие убийства? – поинтересовался Мехреньгин.

– После вскрытия скажу! – отрезал патологоанатом.

– Ну, хоть примерно! – взмолился капитан. – Нам же надо знать, что искать!

– Примерно я уже сказал: тяжелый тупой предмет. Очень тяжелый и очень тупой. Примерно как ты.

– Я бы попросил! – обиделся Мехреньгин.

– Просить можешь, но все подробности – после вскры-

тия! – и Ленский удалился.

Тут к ним подошел Леша Сырников и фальшивым голосом проговорил:

– Ребята, выручите!

– Денег нет, – честно ответил Мехреньгин.

– Да мне не деньги нужны! Я подарок полковнику еще не купил, а сейчас мне Тамара позвонила, сказала, что Мишка в школе подрался, нужно срочно ехать утрясать проблему. Купите подарок, а?

– Ты че, Леха? – возмутился Мехреньгин. – Ты же всегда подарки покупаешь! Мы вообще не знаем, что и как!

– Да чего там знать-то? Подберите что-нибудь по нашим деньгам... денег немного, так что выбор будет небольшой.

– Да где хоть подбирать? Из какой хоть оперы?

– Известно, из какой – из оперы Чайковского «Евгений Онегин»! Да шучу, шучу! – Сырников заметил, что Мехреньгин записывает его слова, и испугался.

– Тут неподалеку магазин есть, называется «Все для дома». Зайдите туда, наверняка что-нибудь подберете.

– Шуруповерт какой-нибудь? – задумчиво проговорил хозяйственный Жека.

– Трудно с тобой, Топтунов! – вздохнул Сырников. – Знаешь, какой главный принцип при покупке подарка?

– Какой?

– Нужно покупать то, что человек сам себе никогда не купит. Что, полковник не может сам себе шуруповерт купить?

Может, и наверняка купил уже. Купить мужику шуруповерт – все равно что женщине сковородку...

– Значит, что-то бесполезное нужно покупать?

– Ну, можно и так сказать.

– Ну, Сырников, – заныл Жека, – ты в этом так хорошо разбираешься, вот и покупай сам!

– Нет-нет, мужики, мне некогда, меня уже ждут! – Сырников сунул в руки Мехреньгину конверт с собранными деньгами и исчез в неизвестном направлении.

– Умеют же некоторые спихнуть на других самое неприятное! – протянул Жека. – Ладно, Валя, может, ты один управишься? Магазин рядом, выбери что-нибудь...

– Нет уж! Мы с тобой напарники или как?

– Напарники!

– А это значит, что мы должны все делать на пару! Пойдем уже, чем раньше начнем, тем скорее освободимся!

Однако быстро освободиться им не удалось. На дверях магазина «Все для дома» висела табличка «Закрыто на переучет».

– И что нам теперь делать? – проговорил Мехреньгин, тоскливо разглядывая эту табличку.

– А вон еще какой-то магазин! – Жека показал на соседнюю дверь.

На этой двери красовалась надпись «Художественная галерея «Грифон».

– Разве же это магазин? Тут написано «Галерея».

– Ну и что? Возле моего дома есть магазин постельного белья, так он тоже галереей называется. Это они как бы намекают, что у них тут все на высоком художественном уровне.

– И дорогое очень. А у нас денег сам знаешь...

– Знаю. Но давай все же зайдем, поглядим. Нам же без подарка возвращаться никак нельзя.

Напарники вошли в галерею. При этом негромко звякнул дверной колокольчик.

Мехреньгин застыл на пороге галереи, растерянно оглядываясь по сторонам.

Вокруг него стояли странные предметы – клубки, сплетенные из ржавой арматуры, мотки колючей проволоки, железные загогулины, конструкции из обрезков труб и прочие неопознанные предметы непонятного назначения.

– Это вообще что такое? – испуганно проговорил Мехреньгин.

– Это – объекты современного искусства! – ответил ему звонкий мелодичный голос.

Капитан повернулся на этот голос и увидел юное создание с прозрачными голубыми глазами и облаком золотых волос.

– Искусства? – переспросил капитан.

Слово «искусство» ассоциировалось у него с мраморными статуями и картинами в золоченых рамах, во всяком случае, с чем-то красивым и возвышенным, но никак не с ржавой арматурой и колючей проволокой, какую можно найти

на любой свалке.

Мехреньгин присмотрелся к конструкции, которая стояла в углу, – что-то такое проволочное, на четырех подпорках разной высоты, а впереди торчала большая консервная банка, примерно как от ананасового компота, литра на полтора. В банке были сделаны дырки – три большие и много маленьких, и вот из этих маленьких дырочек торчали спиралевидные проволочки.

Мехреньгин вспомнил, как буквально вчера у него отвалилась половина крючка в ванной и как он намучился, пытаюсь приспособить вместо крючка свернутую проволоку, палец порезал, до сих пор больно.

Какая-то мысль мелькнула в голове, но тут же ушла, поскольку капитан отвлекся на блондинку с голубыми глазами – на нее-то было гораздо приятнее смотреть, чем на весь этот металлолом.

– Да, – щебетало неземное создание, – в современном искусстве главное – это концепция, и в этом случае концептуальный подход автора выражается в том, как он решает пространственные задачи...

Мехреньгин ничего не понял, но ему и не нужно было понимать: он наслаждался самими звуками голоса.

– А что, – проговорил Жека, разглядывая конструкцию из перекрещивающихся шпал, на верхнюю часть которой был нахлобучен старый огнетушитель. – Как Сырников сказал? Нужно покупать то, что человек сам себе не купит. Вот эту

хрень полковник себе точно никогда не купит!

– Прекрасный выбор! – зажурчал мелодичный голосок. – Эта композиция называется «Поиски справедливости»...

– Вот, и название подходящее! – обрадовался Топтунов. – Именно этим мы и занимаемся!

– А ты цену видел? – Мехреньгин показал напарнику табличку, на которой стояла цифра с несколькими нулями.

– Ой! – Жека попятился. – Нет, такая дорогая справедливость нам не нужна! Пойдем отсюда!

– Автор этой композиции скульптор Михайловский – очень известный художник, его работы высоко ценятся!

– Это не опечатка? – возмущался Жека. – Да я такую фигуру могу за час соорудить! Наберу деталей во дворе и сварю их за минуту...

– Ну, я же вам сказала – это современное искусство, в нем главное – это концепция, мысль, которую вложил автор в свое творение.

– Девушка, милая, концепция – это, конечно, хорошо, но мы ищем подарок для коллеги, – начал Мехреньгин. – У нас средства ограниченные...

– Ну, если так... – девушка завертела головой. – У нас здесь была одна композиция... не очень дорогая, а вчера ее еще понизили в цене... где же она?

Девушка нырнула под прилавок и тут же вытащила оттуда металлический глобус на подставке.

Глобус был сделан под старину, и даже очертания морей

и континентов на нем были какие-то непривычные. С одной стороны он был немного помят.

– А что! – Жека с интересом уставился на глобус. – Полковнику понравится! А главное – он бы себе такое никогда не купил! Точно – не купил бы!

– А сколько стоит? – осторожно осведомился Мехреньгин.

Девушка назвала цену, которая как раз вписывалась в их финансовые возможности.

– Это судьба! – решительно заявил Жека. – В случае чего – все на Сырникова свалим!

Когда напарники вошли в отделение полиции, волоча тяжеленный глобус, завернутый в подарочную бумагу, навстречу им попался тот самый парень, что возился с телом на улице.

– Ходите? – Он выглядел ужасно довольным, буквально лучился от радости. – Ноги только стаптываете зря. А я уже все выяснил про покойничка нашего. Володя.

– Что? Его Володей зовут?

– Нет, это меня Володей зовут, я сегодня первый день у вас и все выяснил.

– Как так? Там же в карманах ничего не было!

– А вот так. Нашел за подкладкой у него обрывок чека из итальянского ресторана «Пьеро». Сунулся туда, они мне номер карты сказали, которой он расплачивался. Карта «Виза», Дельта-банка.

– И что, – прищурился Мехреньгин, – ты хочешь сказать, что там, в банке, тебе так прямо и дали все координаты владельца карты? Вот так, сразу?

– Ну-у... нет, конечно. Просто у меня там девчонка знаковая работает, она поспособствовала неофициально. Короле, убитый – Михайловский Герман Петрович, одна тысяча семьдесят шестого года рождения, прописан по адресу... сейчас посмотрю...

– Михайловский? – переспросил Мехреньгин. – Где-то мы эту фамилию слышали.

– Мало ли где. Фамилия распространенная.

– Родственники у этого Михайловского есть? – перебил его Жека.

– Вроде нету, жил один. Жена была, но сейчас они в разводе уже три года.

– Все равно надо жене сообщить, может, она что знает, как он ночью тут оказался. Как бы выяснить, кто она?

– Уже, – довольно сказал парень, – и никуда бежать не надо, просто сел за комп и все узнал. Значит, жена бывшая Белкина Татьяна Дмитриевна, год рождения тот же, владелица художественной галереи «Грифон». Так что, ребята, я за вас работу сделал, с вас причитается... а вы чего?

Напарники смотрели друг на друга, причем у капитана Топтунова глаза стали круглыми и вылезли на лоб. У капитана Мехреньгина с глазами было все в порядке, зато очки соскочили на кончик носа.

– Как ты, Вова, сказал – «Грифон»? – спросил Жека.

– Ну да, галерея «Грифон», как раз тут недалеко находится.

– Да знаем уж...

– А вы, ребята, куда это? – всполошился Володя. – Я думал – пообедать сходим, пива выпьем. Я пошутил насчет того, что с вас причитается, я сам поставлю, для знакомства.

– Ты, Вова, знаешь, какой сегодня день? – спросил Жека. – Правильно, у нашего начальства полковника Лося юбилей, так? Так с чего это мы будем пивом наливать, когда вечером у нас банкет. А до того нужно это убийство по горячим следам раскрыть, потому как начальника не хочется огорчать, не хочется человеку праздник испортить. Он хоть и строгий начальник, но справедливый, у тебя еще будет случай в этом убедиться. Так что с пивом придется погодить.

– Ну и как тебе этот, новенький? – осторожно спросил Мехреньгин, плотно прикрыв за собой дверь.

– Да какой-то он самодовольный очень, хвастливый, – ответил Жека, – все я да я... Вряд ли он у нас приживется. С другой стороны, пообтешется, поймет, что вперед бабки в пекло соваться при нашей работе не стоит... Ну что, опять в этот «Грифон» пойдем?

– Давай только сначала к Ленскому зайдем, он наверняка уже что-то выяснил!

Напарники спустились в подвал, где находились владения

патологоанатома Ленского.

Ленский стоял над столом, на котором находилось что-то серо-красное. Мехреньгин не любил крови и поэтому старался не смотреть на потерпевшего. Вместо этого он уставился на стену. На стене, на безопасном расстоянии от стола, висел календарь с видами города. Он был открыт на странице с Медным всадником. Памятник был сфотографирован в таком ракурсе, будто бронзовый конь вот-вот опустит копыта на патологоанатома и его безмолвного подопечного. Царь на фотографии смотрел высокомерно и презрительно.

Услышав шаги, Ленский обернулся.

На нем был заляпанный кровью халат, белая шапочка прикрывала волосы, глаза прятались за огромными защитными очками, на руках – окровавленные перчатки. При виде этих перчаток Мехреньгин невольно вспомнил мясной магазин возле метро и подумал, не перейти ли на вегетарианские продукты. Хотя вот если сосиски, то в них ведь все равно мяса нету...

– Вам чего надо? – раздраженно осведомился Ленский. – Вы видите, что я еще работаю?

– Нам бы хоть какие-то предварительные результаты... – заныл Мехреньгин. – Насчет орудия убийства...

– Я же сказал – тяжелый тупой предмет!

– А поточнее? Будь другом, скажи хоть что-то! Нам работать нужно, с нас полковник головы поснимает...

– Это он может... – вздохнул Ленский, стаскивая перчат-

ки. — Ну, ладно... так и быть... предварительно, конечно, но, судя по форме раны, орудие убийства выглядело примерно так... — и он нарисовал на листе бумаги большую вытянутую дугу.

— Похоже на подкову... — протянул Жека, заглядывая через плечо напарника.

— Только очень уж большая подкова! — возразил Ленский. — Это какая же лошадь должна быть!

— Владимирский тяжеловоз, — предположил Жека и на всякий случай пояснил: — Была такая порода. Очень крупная.

Мехреньгин снова перевел взгляд на календарь.

Бронзовый конь грозно нависал над комнатой, казалось, вот-вот, и он опустит свои огромные копыта на маленьких, ничтожных людей...

В памяти не к месту всплыли строчки:

«Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?...»

Капитан вспомнил свой сегодняшний сон, вспомнил, как он убегал по улицам ночного города, как копыта бронзового коня грохотали по булыжной мостовой...

Так, может, этот конь и затоптал потерпевшего? Что за бред!

Мехреньгин потряс головой.

– Валя, тебе плохо, что ли? – забеспокоился Жека. – Чегой-то ты такой бледный стал, прямо зеленый...

– Счас, у меня тут где-то нашатырь имеется! – засуетился Ленский. – Или, может, кофейку покрепче сделать?

– Нет, мы уж пойдем! – Мехреньгин снова покосился на календарь, и ему показалось, что Петр едва заметно подмигнул. И чего только не привидится в этом жутком подвале у Ленского!

– Я соскобы взял, на анализ пошлю, так что завтра из лаборатории полный ответ будет! – крикнул Ленский им вслед. – Но пока скажу, что орудие из металла, вроде латуни.

– Или бронзы? – встрепенулся Мехреньгин.

– Может, и бронзы...

Вернувшись от Ленского, Мехреньгин уселся за стол и начал что-то рисовать на чистом листе бумаги.

– Мы вообще обедать сегодня пойдем? – спросил его Жека.

– Ты иди! – Мехреньгин вскочил из-за стола. – Ты иди, а мне тут одну вещь проверить надо!

Он вылетел из комнаты. Жека подошел к столу напарника и посмотрел на покрытый рисунками лист. Там были сплошные лошади – большие и маленькие, скачущие и поднявшиеся на дыбы.

Жека покачал головой и пошел обедать.

Тем временем Мехреньгин обошел площадь и подошел к

знаменитому памятнику. Медный всадник строго взирал на него с высоты своего положения.

Мехреньгин вспомнил свой сон и почувствовал холодок где-то в животе. Однако он преодолел робость, перелез через ограду и вскарабкался на гранитный постамент.

Вблизи бронзовый конь казался еще больше, еще страшнее.

Вдруг из-за постамента выскользнула какая-то фигура. Приглядевшись, капитан узнал того же странного типа, который подходил к нему утром. И так же, как утром, псих забормотал:

И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой —
Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой...

— Тебя еще не хватало! — прикрикнул на него капитан — и городской сумасшедший исчез.

Мехреньгин вытащил из-за пазухи листок, на котором Ленский нарисовал орудие убийства, привстал на цыпочки и потянулся к бронзовому копыту, чтобы приложить к нему рисунок. Дотянуться до копыта никак не удавалось, но и без того было видно, что формы рисунка и копыта практически совпадают. Капитан вытянулся, как мог, но ему не хватало нескольких сантиметров.

Вдруг снизу раздался свист и грозный голос:

– Гражданин, немедленно покиньте памятник!

Мехреньгин опустил взгляд.

Около ограды стоял молодой полицейский в форме с погонами сержанта.

– Я кому сказал? Немедленно слезайте!

– Спокойно, сержант! Все под контролем!

– Что значит – спокойно? Что значит – под контролем? Я сказал – слезайте! – и сержант перелез через ограду.

Мехреньгин спустился ниже и показал сержанту свое удостоверение:

– Капитан Мехреньгин! Я здесь следственный эксперимент провожу!

Сержант вытянулся, приложил руку к козырьку:

– Извините, думал, очередной псих... знаете, сейчас что ни день, так кто-то пытается селфи с памятником сделать. А что это за эксперимент?

– Да, понимаешь, у нас этот памятник по одному делу проходит. Вот я и хочу снять у него отпечатки пальцев... то есть копыт.

В глазах сержанта светилось недоверие, но он не посмел спорить со старшим по званию.

– Ты вот что, сержант! – оживился Мехреньгин. – Ты мне помоги. Залезь сюда и помоги мне дотянуться.

Сержант вскарабкался на постамент, посадил Мехреньгина, и тот сумел совместить рисунок Ленского с копытом.

Они совпали.

«Ну, надо же, – с тоской констатировал Мехреньгин, – один в один».

Он поднял голову, отсюда до головы Петра было гораздо ближе, и капитан четко видел, что царь грозно хмурит брови, и если бы мог говорить, то давно уж высказал бы он капитану все, что думает, в самой нелицеприятной форме. Крут был государь, ох крут в гневе, это все знают.

«На меня-то ты за что злишься?» – вздохнул Мехреньгин.

Он слез с постамента и пошел через площадь к себе в отделение. Солнце светило совсем по-летнему, капитану было жарко, и от этого, наверное, в голове у него все смешалось. Ему показалось, что он сидит в своем крошечном кабинетике, который делит с напарником Жекой, и допрашивает самого царя. Петр Первый сидит напротив, разумеется, без лошади, и выглядит как самый обычный человек.

– Вот видите, Петр Алексеевич, – говорит ему Мехреньгин и показывает рисунки, – рана на голове потерпевшего полностью соответствует размеру и форме копыта вашего коня. Так что перестаньте запираться и ответьте честно: как вы убили гражданина Михайловского и, самое главное, – за что?

– Вот именно, – царь насмешливо усмехается в ответ, – на черта он мне сдался, я его знать не знал. Какой у меня может быть мотив?

– Ну... возможно, вы случайно, ехали мимо, не замети-

ли... тогда оформим как непредумышленное убийство, срок будет меньше...

– Ты, Мехреньгин, дурака-то не валяй! – рявкнул царь голосом полковника Лося и вдруг загудел.

Мехреньгин очнулся и осознал себя стоящим посреди площади, и какой-то джип истошно кричал, и водитель его высунулся и крутил пальцем у виска – развелось, дескать, психов, сами под колеса лезут.

Капитан вздохнул и отправился в родное отделение, подумав по дороге, что скажет ему полковник, если он обвинит памятник в убийстве. Выходило, что ничего не скажет, а просто вызовет перевозку из психбольницы.

Напарники вернулись в галерею «Грифон». Жека был сытый и молчал.

Колокольчик звякнул. В глубине галереи зазвучали шаги. Мехреньгин повернулся, ожидая снова увидеть чудное голубоглазое создание – но вместо прежней девушки перед ними появилась высокая женщина в дорогом темно-сером костюме, с собранными в прическу темными волосами. Несомненно, красивая женщина, но однозначно не чудное видение.

– Я вам чем-то могу помочь? – произнесла она заветную фразу.

Правда, на этот раз в этой фразе ощущался некий подтекст, казалось, что на самом деле дама хочет сказать совсем

другое: вы, ребята, не ошиблись ли дверью? Вам, наверное, не сюда, а в магазин «Все для дома». Там ваши костюмчики-ботиночки будут в самый раз, а в нашей галерее вы смотрите какими-то инородными телами...

– Белкина Татьяна Дмитриевна? – осведомился Жека официальным тоном, чтобы сбить с нее спесь.

– Допустим! – Женщина оглядела его с ног до головы и снова – в обратном порядке.

– Мы должны сообщить вам... – начал Мехреньгин и вдруг замолчал – он увидел, как за спиной хозяйки появилась та самая девушка, то самое чудное виденье с голубыми глазами. В руках у нее был какой-то громоздкий стеклянный предмет.

– Что вы хотите мне сообщить? – напомнила ему хозяйка галереи.

Мехреньгин осознал, что молча стоит, не сводя взгляд с голубоглазого чуда.

Жека, как и полагается напарнику, пришел ему на помощь:

– Мы должны сообщить, что ваш бывший муж, гражданин Михайловский Герман Петрович, найден сегодня утром мертвым. Точнее, убитым.

Во время этой тирады Мехреньгин заставил себя перевести взгляд с голубоглазой девушки на Татьяну Дмитриевну. Он знал, что первая реакция на сообщение о смерти близкого человека может быть очень важной, и нельзя ее пропу-

стить. Однако почти никакой реакции на слова Жеки не последовало – лицо хозяйки почти не переменилось.

Зато у нее за спиной раздался грохот и звон бьющегося стекла.

Мехреньгин повернулся и увидел, что неземное создание стоит с перекошенным лицом, а пол перед ним усыпан сверкающей россыпью стеклянных осколков.

Хозяйка галереи обернулась, окинула взглядом представшую перед ней картину и сухо проговорила:

– Лиза, выйди! Мы поговорим позже!

Неземное создание исчезло, и Мехреньгин сразу почувствовал себя человеком. Больше того – профессионалом.

– Татьяна Дмитриевна, какие у вас были отношения с гражданином Михайловским? – проговорил он твердо.

– Какие? – переспросила его хозяйка. – Да почти никаких. Мы с ним развелись цивилизованно, как интеллигентные люди. И время от времени встречались – я выставляла в своей галерее его произведения, они и сейчас здесь есть...

– А когда вы видели его последний раз?

– Когда? – Женщина задумалась. Это произвело на Мехреньгина хорошее впечатление – если человек отвечает сразу, это значит, что он заранее готовил ответ.

– Несколько дней уже не виделись. Последний раз он был в галерее в прошлый вторник, он привез новую композицию.

Татьяна Дмитриевна показала на конструкцию из нескольких металлических труб.

– Ага, – сказал Мехреньгин, увидев что-то знакомое.

Ну да, четыре подпорки разной длины, соединенные толстой проволокой, впереди – консервная банка, и в ней из дырочек торчит тонкая витая проволока.

Мехреньгин обошел композицию сзади, несмотря на тревожные взгляды Жеки. Так и есть, сзади тоже торчал пучок проволоки, только подлиннее. Капитан удовлетворенно хмыкнул, сообразив, что скульптор, надо думать, изобразил лошадь – грива есть, хвост также в наличии. И сверху на этой, с позволения сказать, лошади громоздилось что-то невообразимое, что никак нельзя было считать всадником, но ничем иным оно и быть не могло.

Капитан Мехреньгин был мужчина с воображением, это признавали коллеги по работе и даже начальство. Начальство, правда, это качество капитана очень не одобряло, частенько Мехреньгина поругивало и грозилось лишить премии.

– Скажите, а это не... – неуверенно начал капитан.

– Да, вы правы! – перебила его женщина. – Эта композиция называется «Медный всадник».

И она добавила хорошо поставленным голосом:

– В этой композиции автор хотел выразить концепцию трансформации прежних моральных и эстетических ценностей в современную постиндустриальную эпоху.

– А попроще нельзя? – спросил невежливый Жека.

– Можно, но не нужно, – ответил вместо хозяйки Мех-

ренъгин, – и так все ясно.

На самом деле ему ничего не было ясно, зато появились в голове кое-какие подозрения. Глядя на это безобразие, именуемое скульптурой, Мехреньгин расстроился. Это же надо такое убожество назвать «Медным всадником»! Что с того, что покойник был знаменитым, купить его работу может только ненормальный. И пускай эта Белкина тут разливается соловьем, все равно обидно. Фальконе старался, работал и вот какую красоту сделал. А этот... набрал железяк на помойке, склепал кое-как, да еще назвал так же. И был бы жив скульптор, он бы этому Михайловскому в морду плюнул за такое дело. Или побил. А что, если... Фальконе давно нет на свете, но ведь памятник...

Мехреньгин вспомнил свой сон. Да, вот вам и мотив. Обиделся царь на такую свою копию, рассердился, а в гневе государь Петр Алексеевич был крут, это все знают.

– Валь, ты чего на этот металлолом уставился? – тихонько спросил Жека.

– Да вот, – ответил капитан Мехреньгин, – теперь знаю, отчего у потерпевшего руки были как у автослесаря. Работал человек с металлом.

– Господа, у вас ко мне все? – напомнила о себе хозяйка галереи. – А то мне работать надо.

– Ага, – Мехреньгин бросил взгляд на осколки стекла на полу, и глаза его блеснули под очками.

– Значит, Татьяна Дмитриевна, я вас очень прошу. Эти ва-

ши показания нужно зафиксировать у следователя под протокол. Конечно, он вызовет вас повесткой, но пока то да се, пройдет много времени, а время нам очень дорого, так что не могли бы вы это сделать прямо сейчас, а то потом следователя может не быть, уедет на следственный эксперимент или еще куда-то...

– Ну, хорошо... – нехотя ответила владелица галереи, – мой долг – помочь полиции в раскрытии убийства. Мы хоть и были в разводе, но все же прожили с Германом до этого пять лет, и я... Хорошо, к кому мне прийти?

– К следователю Крачкину, – сказал Мехреньгин, – я ему сейчас позвоню. Всего вам доброго, примите наши соболезнования.

– Ты что, Валентин, – зашипел Жека, когда они вышли из галереи, – Крачкин же в отпуске. И когда это было, чтобы сразу к следователю идти? Он сам пока дело оформит, пока всех свидетелей допросит...

– Знаю, – отмахнулся Мехреньгин, – главное – ее сейчас из галереи убрать.

– Сегодня Толька Долдонов дежурит, он ее хоть час на входе продержит, только предупредить нужно, – надо отдать Жеке должное, он многое схватывал на лету.

Отойдя на несколько метров от входа, Мехреньгин утянул своего приметного двухметрового напарника в небольшое кафе. Капитаны уселись перед окном и заказали по чашке кофе с миндальным коржиком, больше есть было нечего.

Жека мигом умял свою и чужую порцию и отправился выпрашивать еще что-то у девушки за стойкой, как будто и не обедал час назад.

У Мехреньгина аппетита не было, он боялся пропустить объект. Вот наконец открылась дверь галереи и выпустила Татьяну Дмитриевну Белкину. Она посмотрела на часы и скорым шагом деловой женщины пошла в сторону Гороховой к отделению полиции.

– Пора, Жека! – крикнул Мехреньгин.

– Да погоди ты! – отмахнулся напарник.

«Может, так и лучше», – подумал Мехреньгин и пошел один.

Дверь он открыл тихонько, чтобы колокольчик не звякнул. В галерее было тихо, только откуда-то издалека слышался мелодичный звон.

Мехреньгин пошел на эти звуки и увидел девушку, которая заметала осколки стеклянной вазы, разбитой утром. Теперь ее никак нельзя было назвать небесным созданием. Золотистые волосы растрепались и висели некрасивыми прядями, голубые глаза были наполнены слезами. Девушка кусала губы и всхлипывала, стараясь слезы удержать, но получалось это плохо.

– Лиза! – тихонько позвал Мехреньгин, чтобы не испугать, а то еще порежется.

– Кто тут? – Она бросила веник и совок, осколки тут же разлетелись по полу.

– Это снова я, капитан Мехреньгин, это река такая на Севере – Мехреньга, – капитан осторожно ступал по полу. Битое стекло хрустело под ногами.

Лиза внезапно закрыла лицо руками и зарыдала в голос.

– Ну-ну, – капитан аккуратно повел ее прочь от опасного места, – ну-ну, что уж теперь плакать, слезами горю не поможешь... – Он ловко подsunул Лизе довольно чистый носовой платок.

– Понимаете, – Лиза вытерла лицо и посмотрела на Мехреньгина чистыми голубыми глазами, – понимаете... он такой хороший... был... такой талантливый... – аккуратный носик сморщился, и пухлые губки задрожали.

– Ну-ну... давно вы знакомы с... Германом Михайловским?

– Почти четыре месяца, как сюда на работу устроилась. Он пришел, принес свою композицию, мы разговорились, потом он снова пришел, потом пригласил меня кофе выпить...

– Ну, ясно. Значит, у вас был роман. А хозяйка об этом знала?

– Нет, у них хорошие отношения были, только Герман сказал, чтобы она ничего не знала, потому что тогда увольняться мне нужно, а работу сейчас трудно найти. А потом он говорит – подожди, может, вообще работать не придется.

– Замуж вас звал?

– Не то чтобы сразу... какие-то у него были дела, вот, го-

ворил, разберусь – и все тебе скажу. И все у нас будет хорошо. А теперь...

– Значит, про ваши отношения Белкина не знала?

– Нет, она сегодня только говорила, что уволит меня, неумею такую, и за вазу вычтет...

– Знаете что, Лиза, идите-ка вы домой. Закройте галерею, да и идите. Что вы тут мучаетесь.

Они вместе заперли дверь и включили сигнализацию. Лиза слабо улыбнулась Мехреньгину на прощание и пошла к остановке маршрутки. Носовой платок она не вернула.

По дороге в родное отделение капитан Мехреньгин позвонил знакомому из экономического отдела и задал ему несколько вопросов, получив на них конкретные ответы. Мехреньгин покачал головой. Все равно чего-то не хватало, пока картинка не складывалась.

Тут его телефон негодующе зазвонил. Обозначился номер Сырникова.

– Ну что, – спросил его Мехреньгин, – разрулил все в школе?

– Разрулил, разрулил! Вообще, не обо мне речь. Ты, Мехреньгин, вообще, где пропадаешь?

– Работаю, между прочим.

– Бросай все, срочно возвращайся в отделение, если неприятностей не хочешь!

– А в чем дело-то?

– Ты что, забыл, какой сегодня день?

– Да нет, помню...

– Так вот, полковник приехал, сейчас поздравлять его будем. Сам знаешь – присутствие обязательно!

Мехреньгин тяжело вздохнул и ускорил шаг.

В отделении царила праздничная суэта и оживление. Даже Костя Сушкин из техотдела, знаменитый своей вечно растрепанной шевелюрой, умудрился как-то уложить свои непослушные волосы. Сотрудники женского пола, аккуратно причесанные и нарядные, сновали взад и вперед, о чем-то перешептываясь, по дороге замирая перед большим зеркалом, чтобы навести последний лоск на свою внешность.

Возле вахты к Мехреньгину подскочила раздраженная Белкина.

– Что это такое! – проговорила она возмущенно. – Вы мне сказали, что меня вызывает следователь Крачкин, я уже сорок минут пытаюсь выяснить, где он, а мне никто ничего толком не говорит! Отсылают один к другому, один к другому! Что у вас за порядки!

– Подождите еще немножко, – попытался отделаться от нее Мехреньгин.

– Что значит – немножко? Я и так уже полдня потеряла! – И Татьяна Дмитриевна пошла следом за Мехреньгиным, теребя его за рукав.

– Все в конференц-зал! – торопил зам по кадрам Фарфоров.

Мехреньгин добрался до конференц-зала в последних ря-

дах. За ним плелась возмущенная Белкина.

В зале уже собралась половина личного состава, свободная от дежурств, на сцене стоял непривычно тихий полковник Лось, его заместитель майор Копченков заканчивал поздравительную речь.

– ...И мы продолжим бороться с преступностью под вашим заботливым руководством, неуклонно повышая раскрываемость! – произнес он торжественно. – А сейчас позвольте вручить вам подарок от личного состава отделения...

На сцену вскарабкался Жека. Физиономия его была красной от волнения и от физического напряжения – он нес на вытянутых руках глобус из галереи «Грифон».

Мехреньгин услышал рядом сдавленный вздох. Обернувшись, он увидел Белкину. Лицо ее было непривычно бледным, взгляд прикован к глобусу. Капитан мысленно сделал стойку, как охотничья собака при виде свежего следа.

Взобравшись на сцену, Жека споткнулся и уронил подарок. Ударившись об пол, глобус развалился на две части – земной шар с изображениями стран, морей и континентов покатился по сцене, бронзовая подставка отлетела к ногам юбиляра.

Зал ахнул. Жека, еще сильнее покраснев, наклонился, подхватил подставку...

И тут ахнул уже Мехреньгин.

В руках Жеки была подставка, к которой крепилась бронзовая дуга, в которой прежде удобно размещался сам глобус.

И форма этой дуги была Мехреньгину очень хорошо знакома...

Капитан бросился к сцене, вытаскивая из кармана сложенный лист бумаги.

– Стой! – крикнул он Жеке. – Отпечатки не сотри!

– Какие отпечатки? – удивленно переспросил напарник. – Ты вообще о чем?

– Это – орудие убийства! – воскликнул Мехреньгин, карабкаясь на сцену. – Этим предметом был убит скульптор Михайловский!

Он поднял листок, на котором эксперт Ленский нарисовал предполагаемое орудие убийства, и приложил его к бронзовой дуге. Изображение совпало.

– Один в один! – возвестил Мехреньгин. – Я сначала думал, что это – подкова, даже к Медному всаднику примерил, а это – не подкова, это – вот что! Это подставка от глобуса! И на ней наверняка сохранились отпечатки убийцы!

Зал замер.

В этой тишине удивительно громко прозвучал голос Татьяны Белкиной:

– Ничего там не сохранилось! Я ее протерла!

– Вот как? И внутреннюю сторону протерли? – Мехреньгин пристально смотрел на хозяйку галереи. Губы Татьяны Дмитриевны тряслись, лицо еще сильнее побелело. В зале вокруг нее образовалось пустое пространство, все отшатнулись от нее, как от зачумленной.

– Это ничего не доказывает! – вскрикнула она звенящим голосом. – Мои отпечатки там повсюду, это же моя галерея...

– И вовсе она не ваша! – громко проговорил Мехреньгин в установившейся тишине. – Вы владели ей на пару с мужем! Поэтому, когда он объявил вам, что собирается ее продать...

– Он пришел поздно вечером и сказал, что ему нужно со мной поговорить. Он сказал, что ему осточертело то, чем он занимается, что ему предложили работу в Словакии, огромный барельеф на здании детского художественного центра. Он сказал, что хочет жениться на этой маленькой дряни и увезти ее с собой! А для этого ему нужны деньги, и он должен продать галерею! Мою галерею! Я так растерялась. Я была в состоянии аффекта!

– И опять неправда! Я навел справки. Михайловский купил это помещение еще до того, как вы поженились, сам перевел его в нежилой фонд, так что фактически галерея принадлежала ему. Но в учредительных документах есть пункт, по которому в случае смерти одного из супругов галерея переходит к другому. Так что вы надеялись получить галерею после смерти мужа. Вы заранее спланировали убийство...

– Но он... они... уже нашли покупателя... – лепетала Белкина. – В этом помещении... в моей галерее... собирались открыть обувной магазин! Вы представляете? Обувной магазин! Да! – вдруг выкрикнула она и вскочила с места, сжав кулаки. Бледность прошла, теперь лицо ее полыхало, и голос

стал низким и грубым. – Да! – повторила она. – Никто не смеет отбирать у меня мое детище. Я создала эту галерею, я вложила в нее душу! И когда я узнала, что Герман посмел... за моей спиной... да, я ударила его чем придется и не жалею ни о чем!

– А потом...

– А потом я решила представить все как ограбление, вытащила его из галереи и отволокла подальше.

– Эта может... – опасливо пробормотал Сырников.

– Гражданка Белкина! – произнес Мехреньгин в звенящей тишине зала. – Вы арестованы за убийство гражданина Михайловского.

Жека уже стоял наготове с наручниками.

– Умеешь ты, Мехреньгин, праздник испортить! – проговорил полковник.

Екатерина Барсова

Портрет на фоне Вавилонской башни

*И сразу ветер знакомый и сладкий,
И за мостом летит на меня
Всадника длань в железной перчатке
И два копыта его коня.*

Николай Гумилев. «Заблудившийся трамвай»

– Нынче ветрено и волны с перехлестом... – шептала она, глядя на темно-синюю воду Невы, вид которой успокаивал.

Волн с перехлестом не было, но ветер дул сильный, то и дело норовил сбить с ног или швырнуть в лицо горсть обжигающе-холодного воздуха. Она увертывалась от ветра, утыкаясь носом в воротник куртки, но все равно шла вперед, хотя благоразумнее было бы свернуть с этого прямого пути и пройти между домами, где не было ледяных порывов, а дождь моросил мельче и тише.

Анна шла к воде, где нужно было спуститься на несколько ступенек вниз, и тогда темно-серая рябь колыхалась почти у самых ног. Стояли сумерки, при этом небо было светлее воды – она не была в Питере лет пятнадцать и сейчас приехала в студеное пронизывающем ноябре, потому что нужно было

познакомиться с одним человеком, выступающим на конференции в Институте русской литературы, именуемом в обиходе Пушкинским Домом.

Поездка была краткой, спонтанной и необязательной. В ранг дел, принятых к исполнению, она внесла ее сама, недолго думая, потому что понимала: такие шансы выпадают нечасто.

На этой конференции должен был выступать один профессор из Италии, из обрусевших русских, которые уже невольно переняли лоск страны проживания, отчего внешне родного аборигена было не признать, и только мелкие детали выдавали в человеке российскую закваску. К профессору у нее было одно дело, не терпящее отлагательств.

Остановилась она у женщины, с которой познакомилась самым тривиальным способом – через социальные сети. Они сразу почувствовали – пусть и в пространстве лайков, значков, подмигиваний, многозначительных и кратких комментариев – симпатию друг к другу, которая вскоре подкреплена приглашением приехать в Питер и остановиться не в гостинице, а в предложенной квартире.

На вокзале они взяли такси и поехали на квартиру – жилье одного друга, который находился в деревне и охотно предоставил Анне ночлег на несколько дней. Светлана, так звали знакомую, попила с гостьей чай и вскоре покинула дом, уехав к себе в мастерскую. Она была скульптуром и работала над срочным заказом, который нужно было сдать через

месяц.

На вечер у Анны было запланировано мероприятие в Пушкинском Доме, куда она и отправилась заранее: следовало еще найти это здание и успеть зарегистрироваться на конференцию. У нее имелось персональное приглашение от профессора, но опаздывать все равно не стоило.

Сначала она шла по Невскому, небо над ней все более густело и принимало серо-зеленый оттенок, размывая очертания домов и старинных зданий. Анна часто останавливалась и рассматривала их, один раз она застыла, засмотревшись на красивую церковь в глубине проспекта, сверкавшую прохладными бело-бирюзовыми оттенками, как игрушка на новогодней елке. «Армянская церковь Святой Екатерины», – прочитала она на табличке. Хотелось зайти внутрь, но не было уже времени. Через несколько метров она набрела на книжный магазин, сияющий теплым светом, похожий на храм, и нырнула туда на несколько минут, согреваясь от холода. Высокий потолок, казалось, уходил в бесконечность и был похож на библиотеку из «Гарри Поттера», а разноцветные книги напоминали сложные кусочки единого пазла.

Анна снова вынырнула на улицу и пошла по проспекту, миновала Аничков мост и здесь, посмотрев на часы, поняла, что опаздывает и должна воспользоваться каким-либо транспортом.

Сошла она с остановки, когда уже моросил мелкий дождь, почти неразличимый, оседавший влагой на руках и лице.

Анна пошла к Неве. Тогда и возникла в памяти строчка: «Нынче ветрено и волны с перехлестом...» Она стояла и смотрела на воду – потом перевела взгляд на Пушкинский Дом, горевший маслянисто-желтыми огнями. Она почему-то медлила туда идти. Может быть, боялась подтверждения или, напротив, – опровержения своей догадки.

Анна Рыжикова, молодой ученый-историк, сильно волновалась. Это было связано с ее работой в историко-консультативном центре «Клио», где ей приходилось заниматься разгадкой тех тайн истории, мимо которых люди чаще всего почему-то проходят, не задумываясь над тем, что все в мире переплетено в воздушном и тонком пространстве – одни корни смыкаются с другими. В центре «Клио» было всего двое сотрудников. Она, Анна, и ее начальник, доктор исторических наук, человек, которого в научном мире знали и ценили, Василий Курочкин, великий и ужасный. Вася был на самом деле добрейшей души человек, просто следовало привыкнуть к его строгости и к тому, что в работе он всегда спрашивал по самому высокому счету. К ним в «Клио» приходили разные люди. Одни хотели получить консультацию по истории, другие – распутать семейную биографию, полную недомолвок и загадок. История России, особенно после Октябрьской революции, была наполнена подводными камнями, ложными данными и подтасованными фактами, о которые можно было запросто сломать голову. Целые династии ушли на дно, затаились в смутных всполохах эпохи, когда

быть на виду означало подвергнуться смертельной опасности. Выживание было мучительным тернистым путем – кто-то успел уехать в эмиграцию, кто-то схоронился, пытаясь остаться в живых, а кто-то не сумел ни спрятаться, ни приспособиться и разделил печальную участь убитых, расстрелянных, безвестно сгинувших в круговерти истории.

Доклад профессора смыкался с одной догадкой, если все будет правильно, то пазл сложится. Профессор Александр Николаевич Медведев был коренным питерцем; в своем докладе он упоминал о малоизвестном портрете Гумилева, который не дошел до наших дней. Ида Наппельбаум, у которой портрет хранился, его уничтожила, но после он был написан заново по уцелевшей фотографии и по ее словам. Этот портрет производил странное впечатление и не был похож ни на один из известных портретов Гумилева. Художником была Надежда Шведе-Радлова, жена Николая Радлова, бывшего самой большой любовью знаменитой балерины Галины Улановой. Облик Гумилева был необычен и далек от канонического. Поэт, непохожий на самого себя, был написан на фоне Вавилонской башни с красной книгой в руках. Дата создания – 1920-й, через год поэт будет расстрелян, а Ида спустя много лет сожжет портрет из опасения, что он послужит уликой для обвинения в «заговоре» или «связи с белогвардейцами». Вот что было известно, дальше простиралась область смутных догадок...

...В холле Пушкинского Дома было тепло и уютно. У кофейного автомата Анна столкнулась с девушкой с длинными кудрявыми волосами. Она пила кофе из стаканчика и морщилась.

– Кофе слишком сладкий или горячий? – спросила Анна.

– Н-нет.

– Вы на конференцию?

– Да. Я есть на конференцию.

– Вы иностранка? – сообразила Анна.

– Да. Из Италии.

– А вы знакомы с профессором... Медведевым?

– Я у него аспирантура.

– И какая тема?

– Литература Серебряного века.

– А... Замечательно!

Они обменялись еще несколькими фразами и заспешили в зал. Народу было немного, сам профессор сидел в первом ряду и о чем-то беседовал с плотным бодрячком лет шестидесяти. Итальянка, которую звали Флора, села позади Анны. Та поправила шарф и достала блокнот, приготовившись записывать.

Окидывая взглядом зал, профессор остановился на ней и едва заметно кивнул. Анна невольно покраснела.

Профессор был весьма хорош собой – той усталой мужской красотой, которую обычно изображают на рекламе парфюма или дорогой брендовой одежды европейских марок.

Его взгляд был по-мужски оценивающим, и Анна подумала, что могла бы надеть серое платье из тонкой шерсти, которое ей очень шло, а не юбку с джемпером, которые придавали ей сходство с офисным работником или школьной учительницей. И еще можно было поярче накрасить губы... Но эти мысли пришли с опозданием, так сказать, вдогонку.

В зале пахло стариной. Анна никогда не думала, что такой запах существует. И тем не менее это было правдой... Старина имела сложный аромат, в котором, как в хорошем коктейле, смешались горьковато-сладкие ноты; это был запах старинной мебели, тяжелых штор с длинными воланами, напоминающими оборки бальных платьев, многоярусных люстр, отсвечивающих приглушенным блеском...

Анна сделала глоток кофе и приготовилась слушать.

Справа от профессора был установлен белый экран, на нем возникла надпись: «Портреты русских поэтов Серебряного века».

Профессор поправил ярко-оранжевый шарф и начал лекцию хорошо поставленным звучным голосом.

...Анна механически делала записи карандашом, время от времени вскидывая глаза на профессора. Пару раз ей показалось, что он говорит, как бы обращаясь к ней, и тогда она с усиленным вниманием вслушивалась в сказанное, уже составляя в уме вопросы, которые она задаст ему позже, когда они смогут переговорить наедине.

Судя по всему, аудитория состояла из старых друзей про-

фессора, который работал здесь до своего отъезда в Италию, и сейчас они радостно внимали однокашнику, сделавшему крепкую европейскую карьеру. Красно-оранжевый шарфик профессора контрастировал с унылыми серо-черными одеж-дами мужчин, так же как его темные с сединой волосы до плеч – с лысынами и короткими стрижками.

Лекция закончилась, профессора сменил другой оратор, тот самый бодрый толстячок, с которым он переговаривался до начала конференции. Его доклад был посвящен обра-зам красоты Серебряного века. Затем выступила дама вну-шительных габаритов в массивных очках, в строгом костюме и с тяжелой витой серебряной цепью на шее...

...В половине десятого вечера конференция закончилась. Все встали, с шумом хлопая стульями.

Итальянка направилась к профессору, Анна тоже подо-шла к нему, но остановилась поодаль. Все окружили русско-го европейца, взяв его в плотное кольцо, каждый хотел что-то сказать, спросить, обменяться рукопожатием, напомнить о себе. Мерный гул, окружавший Медведева, напоминал ле-нивое жужжание пчел в летний день.

Свет падал на лысины, скользил по белому экрану и сте-нам.

Анна стояла в стороне. Постепенно кольцо вокруг про-фессора стало редеть – наступил момент, когда рядом с Александром Николаевичем остались двое – уже знакомый Анне толстячок в мешковатом свитере и аспирантка Флора.

Анна сделала несколько шагов, подступив ближе...

– А я говорю, что варваризация культуры уже наступила, это похоже на то, о чем говорил еще Константин Вагинов в 20-е годы. Кстати, один из лучших учеников Гумилева, он обучался у него в «Звучащей раковине»...

– В Италии тоже об этом говорят, но иногда, – мягко возразил профессор. – Правда, упадок культуры длится уже много столетий, но никто не делает из этого трагедии, в отличие от нас. Итальянцы буквально живут на руинах, но, если вы зайдете в любое кафе или понаблюдаете за ними на улице, вы увидите, что великое прошлое для них органично и естественно. Оно сопровождает каждого итальянца на протяжении всего его жизненного пути, впитывается с молоком матери, но они не спорят из-за него так яростно и непримиримо, как это любим делать мы. Согласись с этим доводом, Павел!

Тот, кого называли Павлом, вытер платком взмокшую лысину, переливающуюся от блеска хрустальной люстры всеми цветами радуги.

– Да-да, – рассеянно проговорил он. – Ты прав, дорогой друг. Но это уже особенности нашего менталитета, мы не очень-то доверяем настоящему, поэтому ищем виноватых в прошлом и отчаянно боимся будущего... К тому же будущее мне представляется... – понизив голос, он стал тихо, но настойчиво о чем-то говорить «дорогому другу». До Анны долетали отдельные слова – «место на кафедре», «подумываю

о переезде», «здесь совсем невыносимо», «итальянский университет»...

Анна видела, что профессор утомлен напором старого товарища, его взгляд цеплялся за Анну как за якорь, с помощью которого он хотел избавиться от чересчур агрессивного внимания.

– Конечно, конечно... – кивал профессор. При этом глазами он явно сигнализировал Анне приблизиться поближе и вмешаться в беседу.

– Простите меня, – встряла Анна. – У меня к вам вопрос, Александр Николаевич! Мы с вами договаривались, – произнесла она с некоторым вызовом, желая потеснить толстяка, плотно обосновавшегося в орбите профессора.

Взгляд, брошенный на нее Павлом, вряд ли можно было назвать дружелюбным, скорее он отреагировал как хищник на вторжение конкурента. Но Медведев озабоченно посмотрел на часы и сказал, обращаясь к Анне:

– У меня не так много времени...

– Я ненадолго, – включилась в предложенную игру Анна.

...С трудом отделавшись от носителя радужной лысины, вскоре они уже шагали к остановке автобуса. Со своей аспиранткой профессор о чем-то тихо переговаривал, и она отошла от них, растворившись в питерском вечере. Было уже темно, фонари горели тусклым светом, как масляные плошки – едва-едва... Ветер утих, не было и дождя, но мельчайшие капельки оседали туманом на руках и лице.

– Кажется, нам нужно взять такси, – пробормотал профессор. – Иначе мы тут можем простоять бог знает сколько времени.

В такси пахло апельсинами, Анна сидела на заднем сиденье, профессор впереди. Когда блики падали на его лицо, он напоминал какое-то божество, залитое призрачным светом.

– Вы домой не торопитесь? – донеслось до Анны.

– Нет-нет.

– Тогда мы можем посидеть в кафе и побеседовать.

Такси остановилось около кафе, где в витрине помещались печальный граммофон, старая пишущая машинка и старинный стол со стулом.

– Нам сюда.

За стеклянной дверью скрывалось небольшое помещение с круглыми столиками и ажурными стульями. На стенах были портреты Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Михаила Кузмина, Николая Гумилева, Максимилиана Волошина.

– Кафе посвящено Серебряному веку, – пояснил профессор. – Но вы уже, наверное, и сами догадались об этом...

В кафе царил полутьма. Официант подал им по большой чашке кофе, похожей на пузатую кастрюльку, принес и зажег длинные высокие свечи, похожие на подтаявшие сосульки. От уличного света по стенам и полу пробегали розовые, красные, синие и золотистые сполохи.

Профессор откинулся на стуле и посмотрел на Анну.

– Итак, о чем вы хотели меня спросить?

Анна выпрямилась.

– Я уже кратко рассказывала вам, что работаю в историко-консультативном центре «Клио». Не так давно мы занимались одной историей, распутывали семейные тайны и соприкоснулись с жизнью и творчеством Николая Гумилева. Причем он открылся нам с неожиданной стороны...

Профессор иронично поднял вверх брови, но ничего не сказал. Сейчас в полутьме его глаза были почти черными. Анна вздохнула: со скепсисом она сталкивалась довольно часто и понимала, что людям легче отрицать истину, чем признать то, что выбивается из устоявшегося круга вещей... Тем более ученым, которые привыкли, что все покоеится на фактах и доказательствах, как земля в представлении людей древности – на слонах и черепахе.

Анна принялась рассказывать о путешествиях Гумилева в Африку. О его поисках Ковчега Завета... О других загадках и тайнах его жизни, поездке в Англию, обвинении в связи с «делом Таганцева» (*об этих событиях рассказывается в книге Е. Барсовой «Заветный ковчег Гумилева». М. – Эксмо. 2018).*

Анна увлеклась рассказом, постепенно с лица профессора сошло ироничное выражение, на нем обозначился интерес, а потом и волнение.

– Так-так, – он отпил кофе и провел по руке быстрым движением, словно поглаживая ее. – Все это чрезвычайно любопытно... и похоже на правду.

– И поэтому меня заинтересовал этот странный портрет Гумилева... Вы не находите, что он отличается от общепринятого представления об облике поэта?

– Отличается, но сохранившиеся образы Гумилева противоречивы. Так, портреты работы Фармаковского и Ольги Делла-Вос-Кардовской представляют нам Гумилева как изнеженного пиита. А ведь он был воином и поэтом. Портрет Шведе действительно необычный... Хотя... – Профессор умолк.

В углу сидела и целовалась парочка, едва слышные звуки поцелуев как невидимые бабочки порхали в пространстве, трепеща нежными крыльями.

С улицы доносился мерный успокаивающий гул машин. Анна сидела и смотрела на профессора, но он, казалось, ушел в свои мысли.

– Я пока боюсь вам высказывать свои соображения и версии. Надо еще кое-что проверить. Что вы делаете завтра? Приглашаю вас в музей Ахматовой.

– Никаких особенных дел у меня не запланировано, так что с удовольствием приду.

– Это хорошо. Я вот вырос и жил в Питере, а сейчас приезжаю в свой родной город почти как турист... Сначала мне это было странно, потом я привык. И то сказать – прежнего Питера почти не существует. И с этим тоже приходится смириться, как и со многим другим... Правда, вот Невский проспект остался, есть еще уголки, с которыми связаны вос-

поминания молодости. А решетка Летнего сада мне кажется самым лучшим в мире узором!

Профессора потянуло на сентиментальность. Анна почувствовала себя лишней в этом пространстве, где были немолодой мужчина, исчезнувший Питер, его старые друзья и подруги...

– Простите, я выпал из разговора. Впрочем, думаю, сегодня вряд ли мы откроем что-то новое. Предлагаю перенести наш разговор на завтра. Я собираюсь проникнуть в некие тайны и кое-кого потревожить. Назначаю встречу в музее Ахматовой. Там у меня тоже выступление, правда, краткое. В семь часов вам удобно подъехать туда?

– Да.

– Можете прийти пораньше, там открывается чудесная выставка. Советую...

Они расстались: профессор поймал такси и посадил в него Анну, заплатив за нее, несмотря на возражения.

К музею Ахматовой она подошла уже почти в полной темноте: горели тусклые фонари, и их неровный бледно-лимонный свет бросал зыбкие тени на мокрые блестящие дорожки. От ветра качались ветки деревьев, и казалось, что по дорожкам быстро ползут, извиваясь, темные змейки.

Прямо у билетной кассы на стойке спал большой рыжий кот. Анна погладила его, но кот даже не проснулся, лениво мяукнув во сне.

Купив билет, Анна прошла в зал. И здесь ее взгляд упал на женщину, которая торопливо шла впереди нее, забираясь на самый верх. Проследив за ней взглядом, Анна увидела, что она села на последний ряд, устроившись так, что ее почти не было видно. На голове незнакомки красовалась шляпка с маленькими полями, глаза были густо подведены, на губах – яркая алая помада. Одета женщина была в длинную черную бархатную юбку, на плечах – шаль. Она словно шагнула из Серебряного века, позабыв обрести черты современности. Издалека глаза женщины выглядели как темные провалы. Анну незнакомка заинтересовала, и она села так, чтобы было удобно наблюдать за «объектом», в лучших традициях шпионских фильмов.

Начался вечер, посвященный послереволюционной культурной жизни Петербурга.

Александр Николаевич Медведев сидел за столиком на сцене и был одним из соведущих мероприятия. Сегодня на нем красовался не ярко-оранжевый, а бирюзовый шарф насыщенного цвета.

Анна поглядывала на незнакомку. Когда выступал Медведев, женщина слегка подалась вперед, словно желая его лучше разглядеть. Она шевелила губами, не то повторяя за ним слова, не то беседуя с кем-то незримым. Когда все закончилось, зрители высыпали в холл, где проходила выставка, и стали рассматривать экспонаты – афиши спектаклей, фотографии, книги, изданные в двадцатые годы. Анна подо-

шла к Медведеву.

– А, добрый вечер, добрый вечер, – приветствовал он ее. – Я вас приметил еще в зале. Сейчас будет неофициальная часть, легкий фуршет, после этого можем уйти. Как вам такой вариант?

– Возражений нет.

Тут же профессора увлекли в сторону и обступили незнакомые люди. Анна стояла у стены и пыталась найти глазами женщину, за которой она наблюдала, но той уже нигде не было.

Через полчаса Анна и профессор вышли на улицу.

– Куда направимся на этот раз? Предлагаю прогулку по Питеру. Я, кстати, неплохой гид – могу похвастаться. Скушать вам точно не придется.

– Вам удалось что-нибудь узнать? Вчера вы говорили, что вам нужно сопоставить кое-какие версии...

– Все – потом, – ответил Медведев несколько загадочно.

...Это была самая фантастическая ночь в жизни Анны, она словно провалилась в другую реальность. О, если бы эти стены и здания могли говорить: наверное, они бы рассказали столько, что хватило бы не на одну книгу рассказов и воспоминаний. Профессор начал говорить о городе, о знаменитом фотографe Наппельбауме, который запечатлел почти весь Серебряный век в лицах. Потом он смолк, и слышался только плеск воды и чьи-то шаги совсем рядом...

– Слышите? – сказала Анна, остановившись. – Как будто

за нами кто-то идет.

Профессор недоуменно пожал плечами.

– В тишине, бывает, слышится и не такое... Петербург расшатывает нервы. В этом городе есть что-то пугающе прекрасное, болезненное, чего не могут вынести люди с тонкой психикой.

Анна одернула себя, ей не хотелось выглядеть перед своим собеседником истеричкой или женщиной с расшатанными нервами. Она вспомнила вчерашние слова профессора о том, что он собирается проникнуть в некоторые тайны. Как далеко он зашел?

Она выдохнула. В воздухе реяло облачко пара. Анна посмотрела на противоположную сторону – словно какой-то силуэт мелькнул в тени здания. Она остановилась.

– Кажется, нас преследуют, – сказала она испуганным шепотом.

– Ну что вы? Кому мы нужны? – иронично ухмыльнулся профессор. – Уличным грабителям? Я уверен, есть более привлекательные фигуры для люмпенского рейдерства, чем мы с вами...

То ли нервы Анны действительно обострились, то ли так на нее подействовал город, эта ночь, тревожный блеск фонарей... Она схватила за руку профессора.

– Может быть, закончим прогулку?

Он снисходительно улыбнулся.

– Сейчас как раз начнется самое интересное, нам предсто-

ит экскурсия в один дом. Там живут мои знакомые, и не просто знакомые, – профессор замолчал. – Мы сможем узнать от них много интересного. Я надеюсь на это.

Они остановились у дома с окнами на Неву.

– Обычно все описывают Питер как город дворов-колодцев, а мы сейчас с вами зайдем в очень приятный дом на воде. Вода создала Питер, и не случайно существуют древние пророчества, что от нее он и погибнет.

Они вошли в дом, потянув на себя тяжелую дверь. Лестница вилась спиралью, уводя вверх. Поднимались пешком, на повороте Анна пошатнулась – закружилась голова, она схватилась за перила, чтобы не упасть. Профессор же шел впереди нее размашистым шагом, не оборачиваясь.

Перед дверью с номером 14 он остановился и позвонил в звонок. Дверь открыли не сразу – сначала за ней послышался звонкий стук каблуков, чей-то приглушенный смех, потом дверь распахнулась. Анна увидела ту самую женщину, которая была в музее Ахматовой, и в недоумении застыла.

– Позвольте представить вас друг другу, – сказал профессор. – Это моя знакомая Анна, она работает в историко-консультативном центре «Клио», а это Ида... моя старинная подруга. При слове «подруга» Ида едва уловимо повела плечами, как будто бы ей стало зябко. Женщина подняла руку вверх, и в ней, как у фокусника, внезапно появился веер, раскрывшийся с легким звуком, подобным тому, который издаст лопнувший гранат.

– Ах, ах... профессор, вы шутник, сколько лет прошло-протекло в Лете с нашей последней встречи? Вы об этом задумывались?

Медведев смутился.

– Да. Это было давно.

– «Давно» – чистый эвфемизм, сказала бы я. Игра в бисер или в слова. Сколько прошло десятилетий – два, три, четыре?

– Давай вернемся в сегодня, – мягко предложил профессор.

– Конечно, сегодня – это всегда безопасно. И надежно. Ну проходите же, проходите...

Они шли коридором, который тоже, как и лестница, казался нескончаемым, или это так искажалось пространство в Питере – все приобретало дополнительную глубину, оттенок бездонности, не замечаемый в обычной жизни и при привычных обстоятельствах. Но есть некоторые ситуации, когда все становится иным, и к этому нужно отнестись со смирением, как к неожиданному подарку судьбы.

Наконец они оказались в комнате, большой, полукруглой – она напоминала зал в музее: с картинами, изящными столиками, прячущимися по углам, массивным старинным сервантом с тускло белеющим в его недрах фарфором, с пианино, на котором возвышался канделябр, похожий на руку с растопыренными пальцами, раскрытую для принятия даров. Стены были обтянуты синим шелком, усиливающим впечат-

ление пребывания в царстве воды. По стенам скользили тяжело-серебристые блики от близкой Невы.

— Сюда! — Женщина порхала по квартире, как яркая птица — колибри. Шаль на плечах только усиливала это сходство. — За столик, только не уроните шахматы, которые стоят слева, они старинные...

— Куда мы попали? — шепотом спросила Анна у профессора.

— Сейчас все узнаете, — так же шепотом ответил профессор.

Изящный столик был уставлен тонким фарфором и хрусталем: тарелками, чашками, молочником с острым и нежным клювиком.

— Сейчас к нам выйдет мама.

— Генриетта Дормидонтовна! — с волнением произнес профессор. — Боже мой! Вспомнит ли она меня?

— Когда-то ты называл ее Геней, — с грустью в голосе сказала Ида.

Профессор на этот упрек ничего не ответил.

В комнату вошла, нет, всплыла женщина без возраста. Древняя и вместе с тем удивительно молодая, словно через ветхую оболочку сквозили очертания юности, намеченные легким пунктиром. Она была одета в темное платье с белым кружевным воротничком и ниткой длинных жемчужных бус. Седые волосы были уложены буклями.

— Добрый вечер, — склонился к ее руке Медведев.

– Ах, Саня, – прошелестела пожилая женщина. – Не думала, что мы с тобой еще свидимся в этой жизни. Но замыслы Творца превосходят наши мысли и желания. Господь Бог – большой мастер на всякого рода сюрпризы.

Она перевела взгляд на Анну.

– Это моя знакомая. Историк. Работает в московском историко-консультативном центре «Клио». Нас объединило одно дело, точнее, одна загадка.

– Садитесь! – взмахнула руками Ида. – Кофе, чай?

– Ида! – Голос у Генриетты Дормидонтовны был сильным и звучным. – Подай к столу шампанское! Какая ночь! Вы не находите? – обратилась она ко всем. – Знаете! И она наклонилась к Анне, словно намереваясь поведать ей страшную тайну. – Питерские ночи особенные. В них есть надрыв, печаль и некая болезненная страстность... Как там у Гумилева...

При упоминании поэта Анна слегка вздрогнула.

Перед ночью северной, короткой —
И за нею зори, словно кровь, —
Подошла неслышною походкой,
Посмотрела на меня любовь.

Отравила взглядом и дыханьем,
Слаще роз дыханьем, и ушла
В белый май с его очарованьем,
В невыемские, слепые зеркала.

Шампанское разлили по бокалам.

– За что выпьем? – спросил профессор.

– За любовь! – воскликнула Ида. – Любовь к поэзии и любовь к любви...

– Очаровательный тост! – Анне показалось, что в голосе Александра Николаевича прозвучала ирония.

Она посмотрела на него, но тот был вполне серьезен.

Генриетта медленно пила шампанского из узкого бокала. По ее лицу растеклась блаженная улыбка.

– Прошу к столу, чем богаты, тем и рады. Конечно, хотелось бы более роскошный стол. Но ах и увы! – словно оправдываясь, произнесла Ида.

– Все нормально, Ида! – возразил профессор.

– Давно вы у нас не были, – в голосе Иды прозвучал явный упрек.

– Да. Давно, и разве мы не на «ты», Ида?

– И что вас привело сюда? С итальянских берегов? Вы стали как Максим Горький, наш буревестник, который писал о суровой России и пролетариате, а сам предпочитал проводить время в Италии в окружении прекрасных женщин.

– Работа, Идочка. Работа... Предложили преподавать в Италии. Кто бы от этого отказался? Только не я.

– А семья как?

– Семья – что? Живем, работаем, учимся, Леночка тоже преподает, сыновья уже большие. Один студент. Другой – ра-

ботает...

– И не жалеете, профессор? – В голосе Иды прозвенела легкая печаль...

Он уткнулся в свой бокал.

– Еще шампанского, – подала голос Генриетта. – Гулять так гулять!

– Мама... Маман... – Между матерью и дочерью состоялась короткая пикировка на языке галлов.

– Генриетта – великолепная переводчица с французского, Ида – тоже, – объяснил Анне профессор.

– Пьем, пока не наступила ночь варваров! – торжественно провозгласила Генриетта.

– Мама, она уже давно наступила... просто многие этого не заметили.

Профессор задумчиво вертел бокал в руках.

– Я к вам по делу, Идочка.

– Я поняла, – с ее уст слетел не то вздох, не то легчайший свист.

– Вы, Генриетта Дормидонтовна, – обратился он к пожилой даме, – были знакомы с Идой Наппельбаум.

Та качнула головой.

– Верно. С ней была хорошо знакома моя покойная мать.

– Вы что-нибудь об этом помните? О том времени?

Она молчала.

Анна съела пирожное. Молчание сгушалось в комнате, нежное, меланхоличное.

– Мама! – дотронулась до руки Генриетты ее дочь.

– Я вспоминаю, – внезапно голова Генриетты затряслась. – Ах, Ида, неразумная Ида, как говорила моя мать. Вы не подумайте ничего такого, – она повернулась теперь к Анне и обращалась к ней одной, словно в комнате больше никого не было. – Ее отец Моисей Наппельбаум был очень уважаемым человеком, он был выдающимся фотографом, даже ездил обучаться в Америку, два года пробыл там, потом вернулся в Россию и вскоре из Минска перебрался в Питер, так как родной город стал ему безнадежно мал и провинциален для тех больших планов, которые он лелеял и взращивал. Квартира Моисея на Невском стала светским салоном, куда приходили все наши мэтры Серебряного века. Ахматова, Гумилев, Зощенко, Кузмин, Пастернак, Есенин... И всех их Моисей фотографировал. Теперь эти снимки – золотой клад, а тогда об этом никто не думал...

Генриетта снова задумалась. По ее лицу скользили блики воспоминаний.

– Когда говорят о семье Наппельбаумов, чаще всего упоминают двух дочек – Иду и Фредерику, на самом деле детей было пять. Четыре дочери и сын. Но эти две – Ида и Фредерика – были самыми сумасбродными и талантливыми. Они-то и крутились среди посетителей салона. И сами были неплохими поэтессами. С детства писали стихи, так что их путь в поэзию был закономерен.

– Сколько ей лет? – тихо спросила Анна у профессора.

Но Генриетта Дормидонтовна ее услышала и сама ответила:

– Семьдесят пять.

– Не верьте! – шепотом сказала Ида. – Восемьдесят восемь, к ней ходят два друга. Один вдовец, академик. Ему слегка за семьдесят. Другой – сын бывшей подружки – ему шестьдесят восемь. Она не верит своим годам и еще мечтает встретить великую любовь...

– Я буду ждать ее и на пороге смерти... – и прозвучала длинная фраза на латыни.

– Овидий! – восхищенно выдохнул профессор. – Геня, вы все помните!

– Когда-то я была для тебя Геней. Но это время миновало...

– Простите!

– Ничего... Иногда полезно помнить прошлое, но чаще – его лучше забыть. Оно мешает думать о будущем, о тех розах, которые еще ждут нас...

У Анны было чувство, что она попала в театр и перед ней разыгрывается увлекательный спектакль.

– Генриетта Дормидонтовна, расскажите об Иде Наппельбаум...

– Я могу больше рассказать со слов своей матери, которая знала эту семью. Мои предки тоже приехали из Минска и жили недалеко от Наппельбаумов. Они подружились, благо и общие знакомые в Минске нашлись. Было о чем погово-

речь, что вспомнить. И вот Ида, потеряв голову, влюбилась в Гумилева. Она была в ту пору настоящей красавицей, и у нее были необыкновенно прелестные изящные руки. И надо же – влюбилась в настоящего донжуана, который с такой легкостью разбивал женские сердца. Нужно сказать, что он был некрасив, но, как говорила моя мама, в нем было нечто – какая-то мужская дерзость, что заставляла женщин трепетать и падать к его ногам. Как охотничьи трофеи. Может быть, тому способствовал его ореол воина и путешественника, прекрасные стихи... Трудно сказать, но факт остается фактом – женским вниманием Гумилев, или, как его называли, Гуми, обойден не был. Отнюдь. Несмотря на сокрушительное фиаско у первой жены и любви всей его жизни. Я говорю об Анне Ахматовой. Но если уж Гумилев положил глаз на женщину, то добивался ее до последнего, стремился взять свое. В этом смысле он был настоящим воином. Не случайно его так манила Африка.

– Кажется, здесь есть что сказать нашей гостье, – заметил профессор.

Генриетта Дормидонтовна обернулась к Анне.

– Да, моя милая? – При этом «милая» она сказала мягко, как пропела.

– Да-да, – волнуясь, вступила в разговор Анна.

Генриетта благосклонно наклонила голову, как бы говоря – ничего-ничего. Я слушаю, даже королевы иногда снисходят к простым смертным.

– Недавно к нам обратилась одна девушка, она разыскивала следы своей прабабки, и выяснилась удивительная вещь: оказывается, та была знакома с Гумилевым, и он доверил ей тайну своих африканских путешествий. Если вкратце – он искал там Ковчег Завета...

После этих слов Генриетта впала в такую глубокую задумчивость, что можно было решить, что она уснула, если бы не мерное дыхание и шевеление пальцев,двигающихся так, словно старуха перебирала невидимые четки.

– Ну, я так и думала все это время... – сказала она наконец хриплым голосом. – Чего-то в этом роде и можно было ожидать от нашего Гуми, – усмехнулась Генриетта. – Он всегда был любителем экстравагантных тайн и авантюристом по жизни. Его манило все неизведанное, запредельное...

– Он был розенкрейцером, – вставила Анна.

– Я знаю. Я могу продолжать?

– Да. Конечно.

– Итак, эти две красавицы – Ида и Фредерика – ходили в студию Гумилева. В Дом искусств на Мойке. Сам дом – Елисеевский особняк – выглядел снаружи и изнутри необыкновенно величественно и романтично. В то время вскоре после революции царила разруха, в зимнее время город не отапливался... Каждый вечер Ида как на праздник шла на занятия в поэтическую студию, на свидание с мэтром. И студия носила красивое романтическое название – «Звучащая раковина».

– Геня! Анну интересует портрет Гумилева, написанный

Надеждой Шведе. Вы что-нибудь можете об этом сказать?

Руки пожилой женщины задрожали, и она стиснула их, чтобы унять волнение.

– Если бы мои мысли не путались. Очень боюсь что-то забыть...

– Память у нее хорошая, – наклонившись к Анне, сказала Ида. – Она все помнит.

Легкая улыбка тронула губы Генриетты Дормидонтовны.

– Ида Наппельбаум ходила заниматься также к Николаю Радлову, который впоследствии женился на Надежде Шведе... О, и с той, и с другой стороны это были весьма примечательные люди. Достаточно сказать, что Коля Радлов...

Генриетта так нежно произнесла это имя «Коля», что Анна поняла: для нее нет ни времени, ни расстояния.

– Коля был великолепным художником, искусствоведам, преподавателем...

– Ах. Что же мы не едим! – спохватилась Ида. – Прошу. Прошу! Нехорошо...

– Ида, оставь... Гости сами решат, что им делать, не опекай...

Возникла пауза.

– И вот Надежда Шведе, которая впоследствии стала женой Радлова, написала этот самый загадочный портрет Гумилева, который после его гибели оказался у Иды. Когда Гумилева арестовали, именно Ида вместе с Ниной Берберовой, другой пассией Гумилева, носила ему в тюрьму передачи,

так как молодая жена поэта Анна Энгельгард боялась это делать. И Нина с Идой, точно жены, опекали арестованного Гумилева. Позже они увидели списки расстрелянных, среди которых значился и Гумилев, и обе они, как и другие друзья и знакомые поэта, отказывались в это верить, им казалось, что Гумилев не может умереть... Моисей Наппельбаум купил портрет поэта у Надежды Шведе для своей дочери. У Иды оказалась и другая реликвия, связанная с Гуми, – черепаховый портсигар, который неизменно присутствовал на заседаниях поэтической студии. На нем Гумилев любил отстукивать пальцами. Портрет был с Идой неразлучно: и в квартире на Литейном, и на Рубинштейна. Но в 1937 году стало ясно, что картину в доме держать опасно. Было принято решение разрезать ее на кусочки и сжечь в печке у родственников на Черной речке. Как рассказывала после Ида – ей было плохо, когда картина горела – казалось, там заживо горит человек. Но на этом история с портретом не закончилась. Иду все-таки арестовали в 1951 году по обвинению в знакомстве с Гумилевым и хранении его портрета. Она получила десять лет лагерей, но отбыла три с половиной года – ей повезло, Сталин умер, дела начали пересматривать. Позднее этот портрет все-таки восстановили. Художница Вязьменская создала его заново по черно-белой фотографии и указаниям Иды, которая помнила цвета и оттенки на картине.

– Портрет точно сгорел? – задала вопрос Анна...

Ей показалось, что глаза Генриетты Дормидонтовны странно блеснули. Или это был отблеск от пламени свечей.

Старая женщина чуть помедлила с ответом.

– Конечно, мне же об этом рассказывала мама. Никаких сомнений нет. Потом, как я уже сказала, портрет восстановили. Он странный. Очень странный, – покачала головой Генриетта. – Гуми с бритой головой, как жрец, с книгой в руке... Знаете, есть люди, которые видят нечто большее, чем простые смертные. Можно спорить – всем ли дается этот дар и можно ли его развить. Точного ответа нет, но, несомненно, здесь замешана тонкая наука – генетика. Мы не знаем своих корней, своих предков... Не каждой так повезло, как... Как ее зовут? – обратилась она к дочери. – Актрису, о которой ты мне недавно рассказывала?

– Тильда Суинтон, – вставила Ида – Она знает свою родословную на протяжении тысячи лет.

Анна вспомнила холодно-мраморную злую колдунью из «хроник Нарнии» и издала возглас удивления.

– Именно так, – подтвердила Ида.

– Так и должно быть, – заметила Генриетта. – Знание своего рода открывает тайны, спрятанные в прошлом. Ты делаешься сильнее, когда можешь рассказать о своих корнях. Но мы отвлеклись... Я просто хотела сказать, что вы, видимо, принадлежите к тем людям, у которых есть глаза, – обратилась она к Анне.

Та поблагодарила полумрак, потому что иначе всем было

бы видно, как она покраснела.

– Вернемся к портрету Гумилева, – продолжила Генриетта. – А ты знаешь, милая, – обратилась она к дочери. – Мне хочется еще шампанского. Да что же это за удивительная ночь, – покачала она головой. – Давно у меня не было такой...

Даже в неверном свете колеблющегося пламени свечей было видно, как заблестели глаза старой женщины. У нее выпрямилась спина, и теперь своей осанкой она напоминала королев, какими их обычно рисовали придворные живописцы.

Анне показалось, что комната превратилась в раковину, в которой звучали голоса минувшего. Здесь, в этом странно искривленном пространстве, не было мертвых. Все были живы – давно угасшие тени затрепетали и обрели плоть.

– Гуми на этом портрете как жрец. Книга в руке. И слева от него – Вавилонская башня... К чему это? О чем возвещает этот портрет? – задумчиво спросила Генриетта.

– Гумилев был человеком, который мог заглядывать в иные миры...

Пожилая дама удовлетворенно кивнула головой и продолжила:

– Он как бы хотел сказать нам о цикличности истории. О том, что все повторяется. Ничто не ново под луной, как поведал нам другой мудрец – царь Соломон. После революции был провозглашен новый строй и иное объединение лю-

дей – советский народ... Советский человек – как другой генотип. Здесь можно проследить сходство с историей Вавилонской башни. Смещение языков и народностей при строительстве башни, попытки дотянуться до неба, бросить вызов Богу. Все это присутствовало и при Советах. Но этот строй ждал неминуемый крах, как и строителей Вавилонской башни... Вот что хотел нам сказать несчастный Гуми, который тогда уже все предвидел: и тщетность попыток, и крушение надежд.

– А книжечка красного цвета, очевидно, давала отсылку к коммунизму, – вставила Анна. – Она напоминает паспорт.

– Да... Похоже на то... – Тут Генриетта будто потеряла к ней интерес, погрузившись в воспоминания. – Интересно, что портрет написан Надей Шведе, впоследствии Радловой. Радловы очень любопытная семья. Они были связаны с научными и придворными кругами. Настоящая элита того времени. Надежда Шведе – урожденная Плансон, ее отец был вице-адмиралом и членом Императорского Географического общества.

– Да, африканские путешествия Гумилева прикрывались научными изысканиями. Его последние посещения Африки – в глубь Абиссинии. Гумилев собрал богатый этнографический материал, который можно видеть и сейчас. Здесь придраться совершенно не к чему, и для всех Гумилев был этнографом-путешественником, обогатившим отечественную науку. Получается, что Шведе и Радлов знали об истинной

цели африканских путешествий Гумилева? – после недолгой паузы спросила Анна.

– С высокой степенью вероятности можно утверждать, что это так, – несколько сухо сказала Генриетта Дормидонтовна. – Такое изображение Гумилева свидетельствует о том, что они были посвящены в его тайную жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.